

Костров А. В.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-82. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

чужой воле, личность примитивизируется. При адекватной реакции на повседневную рутину та способна не только мешать, но и помогать творчеству. А сама обыденность совсем неоднородна по своему содержанию и значению для людей, она по-разному относится к специальным сторонам человеческой жизни. Уход из повседневности и возврат к ней представляют собой и теоретическую, и практическую проблемы. Поэтому за словосочетанием «день за днем», по сути одинаковым на всех европейских языках, стоит несомненно философская категория.

Список литературы

Дьячук И. А. Социальная коммуникация // Социально-гуманитарное знание. 2006. № 1.

Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.

Козлова О. Н. Повседневность как источник и итог социального бытия // Социально-гуманитарное знание. 2001. № 6.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ

Костров А. В.

Иркутский государственный университет

«Бунташный» XVII век стал переломным для российского общества. Западная Европа к этому времени значительно вырвалась вперёд в экономическом, технологическом и как следствие – военном отношении. Россия не могла оставаться в стороне от европейских дел и в силу своего географического положения и в силу своего потенциала. Конец Тридцатилетней войны ознаменовал возникновение первой глобальной системы международных отношений, который поставил Россию перед выбором: быть суверенным государством или колонией? Адекватно ответить на такой вызов можно было только жёстко мобилизовав внутренние ресурсы страны. Для этого надо было встать на путь жёсткой централизации власти, которая могла бы создать необходимую концентрацию капитала для введения ресурсов в экономической и технологический оборот. На Западе проблема обретения первоначально капитала была решена в ходе колонизационного движения. В России же, удалённой от океанских коммуникаций и колоний, основным экономическим ресурсом, за счёт которого можно было создать новую экономику и государство, были крестьяне и земля. Именно поэтому в середине XVII в. основной производитель благ окончательно прикрепляется к земле и становится экономической базой всемерной модернизации страны.

Царь Алексей Михайлович, в отличие от своего отца, который был царём избранным, получил престол по наследству. Это позволило ему достаточно активно заняться реформированием страны, не оглядываясь на разные сословные и политические группы. Именно Алексей Михайлович начал создавать то, что доделает его сын Пётр, и что будет называться Российской империей. Практически весь комплекс мероприятий, приведший к созданию империи, был начат им. Другое дело, что большую часть мероприятий «Тишайший» делал руками «созданного» им патриарха Никона, в то время как Петру пришлось доделывать начатое и реализующееся уже около полувека в условиях Северной войны. Отсюда вынужденная скорость и вытекающая из её необходимости жёсткость реформ. Отсюда и прозападный характер модернизации, ведь готовый рецепт технологизации был проще и дешевле.

Знаковым мероприятием в рамках политики Алексея Михайловича была реформа церкви, проведённая патриархом Никоном. В полном смысле эту реформу можно назвать политической. Под предлогом искоренения ошибок русской обрядности и унификации с «греческим» обрядом реализовывались внешнеполитические и внутривнутриполитические интересы центральной власти в лице царя. В итоге не только было подготовлено единое информационно-конфессиональное поле для расширения России в европейском направлении (Малороссия, Сербия, Болгария, европейская территория Турции с Константинополем), но и поставлена вне закона сословная и территориальная оппозиция имперской централизации. Бояре, стрельцы, посадские, казаки, крестьяне – все эти сословия оказались расколотыми по признаку признания или непризнания монаршей политики. Все несогласные с волей центральной власти в лице патриарха Никона (которого царь на время поставил выше себя) автоматически становились раскольниками и оказывались вне закона. Те же, кто согласен с политикой царя, составят костяк новой служилой знати – дворян (которые постепенно сменяют на военной и гражданской службе стрельцов и бояр). Когда же реформа будет проведена, Алексей Михайлович уберёт Никона руками греческих иерархов, чем, кроме прочего, сделает большой шаг в сторону подчинения церкви светской власти. До логического завершения эти мероприятия доведут наследники царя и особенно Пётр, который станет императором. Оппозицией этих мероприятий стали защитники национального Русского православия, догматически единого с остальным православным миром, но имеющим свою этноцентричную доктрину и «обрядовое лицо».

Становление империи сопровождалось становлением русских как имперского (в хорошем смысле этого слова) суперэтноса. Значительное расширение территорий, нивелирование внутренних этнических, культурных, конфессиональных границ вело к унификации разных сторон жизни. Унификационной реформации подвергалась и религия, которая с одной стороны выступала основой национальных культур, а с другой сто-

роны была призвана лечь в основу новой сложносоставной суперэтнической имперской культуры. Разные этносы на огромных евразийских пространствах в разное время и с разными скоростями включались в этот процесс. При этом многие этносы, пользуясь преимуществами существования в рамках империи, стремились одновременно сохранить основы своей национальной идентичности. Характерно, что великороссы, волею истории ставшие объединяющим началом огромного пространства и десятков народов, ставшие основой русских как суперэтноса, оказались перед выбором между этничностью и суперэтничностью в середине XVII века. Те, кто принял программу царя и патриарха-реформатора, стали основой «имперских великороссов», а позднее и русских как имперского суперэтноса. Те же, кто хотел сохранить основу своей национальной идентичности, свою национальную культуру (в её региональных вариантах) и национальную религию (которая пронизывала все сферы жизнедеятельности общества), отказались принять реформу и были поставлены властями вне закона. Так появилось и стало развиваться новообрядчество и старообрядчество. При этом надо отметить, что этот процесс был объективно обусловлен и неизбежен. Поэтому судить не тех, не других (как, впрочем, и огромную центристскую группу) на наш взгляд неправомерно.

Старообрядчество, будучи явлением традиционалистским не было «движением назад», как иногда может показаться. Если посмотреть на результаты творчества староверов, то мы увидим, что в своём развитии они по некоторым показателям ушли гораздо дальше, чем последователи официального церкви (ставшей имперским форматом русского православия). Но при этом, они реализовывали это творчество на традиционной национальной основе (в отличие от официального общества, модернизированного на основе западноевропейского опыта). То есть когда достаточно большая часть великороссов подключилась к процессу создания российского имперского общества, староверы продолжили сохранять и развивать свою национальную культуру и остались великороссами (в своих региональных вариантах). Поэтому можно сказать, что старообрядчество – это творчество определённой части великоросского народа, на традиционной основе (что определяюще) во всех областях жизни, имеющее характер протеста по отношению к ограничивающим тенденциям (угрожающим традиционной религиозной национальной культуре – «старой вере» и её носителям).

Таким образом, старообрядцы стали достаточно своеобразной группой русского суперэтноса. Они, в силу исторических обстоятельств и сложившегося в ортодоксальной части российского общества религиозно-этноцентризма, не только сохранили основы традиционной национальной культуры, но и естественно развили их в новых условиях. Характерно при этом, что сохранённые и развитые основы национальной культуры в определённые периоды становятся востребованными не только представителями старообрядчества (собственно великороссами), но и представителями большей части российского общества (русскими). Чаще всего это происходит в периоды нестабильности, когда в значительной мере обостряются идентификационные вопросы. Так было в конце XIX – начале XX веков, когда обострение целого ряда противоречий российского общества привело к нестабильности. Дестабилизация заставляла общество и государство искать историко-культурные точки опоры национальной и государственной идентичности. Не случайно именно в это время русская православная церковь стала активно возвращать в свой обиход многие элементы древнерусского православия, которые до того были под запретом, но сохранялись в среде старообрядцев («рублёвский» стиль иконописи, восьмиконечный крест, старых святых, например - Анну Кашинскую и др.). Однако тогда это не помешало появлению нового раскола общества. Похожая ситуация сложилась и в постсоветскую эпоху.

Кризисная ситуация развала государственности и агрессии западного формата культуры в значительной степени обострили идентификационные вопросы в нашем обществе. И сейчас, как практически всегда в такой ситуации, налицо раскол общества. Только сейчас оно раскололось по принципу признания или непризнания нового формата государства и общества. Часть стала ортодоксальными «советскими староверами», а часть «капиталистическими новообрядцами». При этом, как всегда в такой ситуации, имеется огромная центристская группа. Идентичность последней всё больше будет зависеть от политического «новообрядчества» (из-за контроля СМИ, школы и т.д.). Но, вместе с тем, она всегда будет питаться соками «советского старообрядчества».

В сложившейся ситуации как никогда необходимо учесть опыт поколений и выработать адекватную идентификационную модель общества. Необходимо не усиливать расколы общества на группы, которые строят свою идентификацию не только на отличии от других групп, но и на отрицании их существования. Это объективно ослабляет общество и не даёт ему стабильно развиваться. Исходя из того, что сила в интеграции, можно утверждать, что нам, при выработке новой идентификационной модели общества (отражённой в его идеологии и массовом сознании), необходимо учесть богатейший культурно-политический опыт и староверов-великороссов, и имперских русских, и советских людей, и современных россиян. При этом надо не только использовать всё ценное из их исторического опыта, но и очень аккуратно относиться ко всем элементам их культуры. Нельзя категорически отказываться от опыта предков и демонизировать его (это бьёт по современному обществу, его самосознанию), ибо это всё наше, а не чужое.